

Очередной том сборника содержит статьи по теории и историографии вспомогательных исторических дисциплин, палеографии, генеалогии, летописанию, филологии отечественной истории периода феодализма; по источниковедению истории СССР периода капитализма и советского общества, а также по источниковедению и палеографии средневековья и истории нового времени.

Редакционная коллегия:

*А. И. Копанев, акад. Д. С. Лихачев,
Н. Е. Носов (отв. редактор),
член-кор. АН СССР В. И. Рутенбург,
М. Б. Свердлов (отв. секретарь),
В. Г. Чернуха, член-кор. АН СССР В. Л. Янин*

Н. Е. НОСОВ

**АКАДЕМИК БОРИС ДМИТРИЕВИЧ ГРЕКОВ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-ИСТОЧНИКОВЕД**

Начиная свою статью об археографической деятельности Бориса Дмитриевича, С. Н. Валк упомянул о его анкете 1926 г. В графе «Основная профессия и специальность» Греков тогда написал: «Профессор ЛГУ, историк, палеограф, археограф, архивист».¹ Но эта «кадровая» самооценка говорила не только о постоянном интересе Б. Д. к источниковедению, что хотел подчеркнуть С. Н. Валк, но в какой-то мере определяла весь научный облик и, если угодно, почти весь творческий путь этого выдающегося русского и советского исследователя феодальной России.

Б. Д. Греков родился в 1882 г. в Миргороде и после окончания Радомской гимназии с 1901 г. стал студентом Варшавского университета, где занимался до 1905 г., когда перевелся на историко-филологический факультет Московского университета, который и закончил в 1907 г. В Варшаве Б. Д. занимался западным средневековьем у проф. Д. М. Петрушевского, в Москве — русской историей и некоторое время работал у проф. М. К. Любавского, хотя никогда не считал себя его учеником, в отличие от Петрушевского, с которым у него сложились самые тесные ученые и личные связи. Именно «благодаря» Петрушевскому, писал позднее о своем первом «профессоре-учителе» Б. Д., «вопросы истории сделались мне навсегда родными, и дорогое мне общение, с которым никогда не порывалось и по окончании мною университета».²

Студенческие годы играют обычно решающую роль в формировании интересов ученого. Так было и с Б. Д. Грековым. В семинариях такого выдающегося исследователя, как Д. М. Петрушевский, он не только приобщился к западной медиевистике, особенно изучению социально-правовых структур раннефеодального общества, в частности к изучению Салической Правды, но и познакомился с новейшими достижениями западной науки в области источниковедения. Школа В. О. Ключевского, а именно она давала тон научной жизни в Московском университете в начале 900-х гг. (к ней принадлежал и М. К. Любавский), уделяла в то время

наибольшее внимание изучению проблем социально-экономической истории Московской Руси.

И еще одна черта того научного микроклимата, который окружал Грекова в Варшавском и Московском университетах и который столь характерен для новых тенденций в русской историографии конца XIX—начала XX в. Мы имеем в виду все нарастающее внимание (оно шло не только с Запада), которое уделяется в то время в русской исторической науке, особенно в медиевистике, вопросам источниковедческой апробации исторического явления и факта, а отсюда и правомерности их концепционных обобщений — установления закономерностей. Знаменитые рецензии В. О. Ключевского на исследования Н. Д. Чечулина и Н. А. Рожкова по истории города и сельского хозяйства России XVI в. послужили как бы началом источниковедческих дискуссий о характере и формах привлечения писцовых книг для изучения социально-экономической истории Московской Руси. Вопрос об источнике, в первую очередь о писцовых книгах, был в центре внимания и ученой полемики между Н. П. Милюковым и А. С. Лаппо-Данилевским о податном обложении и хозяйстве России XVI—XVIII вв. В этих дискуссиях заметно влияние двух разных научных школ, вряд ли, правда, вполне правильно обозначенных С. Н. Валком как «московская» (проблемная) и «петербургская» (источниковедческая), их соотношение было значительно более сложным.³ Но бесспорно одно: высказанные на них суждения по вопросам источниковедения не могли не оказать влияния на студента Грекова во время его университетских занятий и его университетских штудий в области изучения истории древней и новой России.

Это и определило научные интересы молодого ученого, когда в 1907 г. он переезжает в Петербург, где преподаёт сперва в гимназии, а с 1910 г. — на Бестужевских курсах и потом в Петербургском университете. И весьма показательно, что в Петербурге Б. Д. Греков почти сразу же приобщается к кругу учеников С. Ф. Платонова (именно его называл он своим вторым «профессором-учителем»), а вскоре и участников семинария А. С. Лаппо-Данилевского, среди университетских друзей которого мы находим не только «русистов», но и Е. В. Тарле (тоже бывшего участника семинария⁴), и даже таких уже известных тогда ученых, как А. Е. Пресняков и И. М. Гревс. Судя по дошедшим воспоминаниям, для Б. Д. было очень притягательным общее направление ученой деятельности Лаппо-Данилевского, особенно его творческий поиск критериев и методов «объективизации» исторического знания, поиск синтеза «мысли и чувства», как писал об этом позднее Гревс.⁵ Весьма близко научным интересам Грекова было и важнейшее начинание Лаппо-Данилевского, осуществляемое им на базе Исторической комиссии Академии наук, по подготовке издания грамот Коллегии экономии, как главнейшей части его более грандиозного замысла — издания свода русских архивных

источников по социально-экономической истории России XVI—XVII вв.⁶ Созвучно ученой подготовке Б. Д. Грекова, как молодого исследователя, было и общее мнение Лаппо-Данилевского, что «законосообразность истории легче всего обнаружить в развитии явлений хозяйственного, а не духовного порядка».⁷

Но в целом, и это следует подчеркнуть с самого начала, несмотря на глубокое уважение и интерес Грекова к ученой деятельности Лаппо-Данилевского, главные идеи последнего в области создания новой методологии истории были ему чужды.⁸ Не разделял Б. Д. и стремлений Лаппо-Данилевского выработать методику формализации исторических источников (писцовых книг, публичных и частных актов) и применения для их обработки клаузуального анализа и математических приемов («системной классификации»), практический опыт чего осуществлялся им в его домашнем семинарии по изучению русского частного акта (к этому семинарию Греков не имел отношения).⁹

Подобная «невосприимчивость» Б. Д. к указанным новым источниковедческим идеям, видимо, и была одной из причин того, что он не был привлечен Лаппо-Данилевским к работе над наиболее ценным им археографическим начинанием — к изданию «Грамот Коллегии экономии». В то же время Греков сразу стал одним из активнейших участников работ Археографической комиссии, состоявшей тогда при Министерстве народного просвещения, где главным ученым куратором был С. Ф. Платонов (в целом разделявший источниковедческие принципы школы Ключевского), который и привлек в нее столь жаждущего дела молодого исследователя-архивиста. В издании Комиссии в 1912 г. вышла известная публикация Б. Д. Грекова «Опись Торговой стороны в Писцовой книге по Новгороду Великому XVI века».¹⁰ В том же году им публикуются и обнаруженные в архиве новгородские бобыльские порядные XVI—XVII вв.,¹¹ а вслед за тем и его исследование на эту тему.¹²

Эти публикации (они же и первые научные труды Грекова) были непосредственно связаны с начатой Б. Д. обширной работой по изучению хозяйства новгородского Софийского дома XVI—XVII вв., взятой им в качестве темы для магистерской диссертации. Выбор данной темы, посвященной изучению вотчинного хозяйства Московской Руси, был вполне естественным для творческих исканий Грекова, с самого начала проявлявшего особый интерес к выявлению экономических и социальных опосредствований в истории общества. Отвечал он и источниковедческим интересам Грекова, стремившегося найти пути к максимальной конкретизации исторических наблюдений и вовлечению в сферу своего исследования не той или иной разновидности документов, например писцовых книг или актов, а целого вотчинного архивного фонда, сложившегося исторически еще в XVI—XVII вв. Правда, Б. Д. далеко не сразу определился именно в данной конкретной теме. Так, еще в апреле 1908 г. он пишет Лаппо-Данилевскому,

прося его совета в выборе темы: «Больше других отделов русской истории мне знакомо Московское время XVI—XVII вв., которым занимался больше, чем-либо другим». И «думаю, что не ошибусь, если скажу, что считаю самой подходящей для себя именно такую работу, где можно было бы, пользуясь определенным материалом, извлечь определенную картину прошлого и указать эволюции известного явления „во времени“. В этом отношении „Елизаветинский сенат“ тоже был бы удобен, но слишком, как кажется мне, обширен».¹³

Исследование Б. Д. Грекова «Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины)» (СПб., 1914, ч. 1) превратилось в капитальный труд, где впервые в русской историографии крупная церковная вотчина XVI—XVII вв. стала предметом столь пристального и всестороннего анализа.¹⁴ Не случайно работа Б. Д. сразу же привлекла внимание специалистов в области социально-экономической истории России. Об этом свидетельствует обширнейший отзыв на нее известного исследователя Московской Руси проф. С. В. Рождественского. Последний отметил большое источниковедческое значение работы и тот факт, что «выводы и наблюдения автора» «могут иметь значение не только для данной темы, но и для более общей проблемы о крупном землевладении в древней Руси».¹⁵

Вторая часть этого фундаментального труда, на подготовку которой Греков в общей сложности затратил более 15 лет и посвященная Софийскому двору в Новгороде, его городскому и сельскому хозяйству, была издана уже после Октябрьской революции, в 1926—1927 гг.¹⁶ Но и она по сравнению с первоначальным замыслом автора была завершена лишь частично. Характеристики всего вотчинного хозяйства Софийского дома в XVI—XVII вв., а равно и истории государственных платежей и повинностей, которые лежали на крестьянах и бобылях, проживающих в его обширных вотчинах, Грекову осуществить не удалось. Он исследовал лишь собственно «барское» (если применить «светскую» терминологию) хозяйство Софийского дома. Зато как раз в эти годы Б. Д. расширяет свои наблюдения над хозяйственной жизнью Московского государства XVI—XVII вв., результатом чего являются такие его примечательные источниковедческие исследования, как «Вотчинные писцовые книги», где впервые раскрывается значение этого важнейшего источника по истории феодального хозяйства,¹⁷ и «Что такое „обжа“?».¹⁸ Последняя работа явилась как бы ответом Грекова на ряд вопросов, поднятых в известном труде С. Б. Веселовского «Сошное письмо», изданном в 1915—1916 гг.,¹⁹ и дала наглядный пример комплексного изучения крестьянского хозяйства и податного обложения XVI—XVII вв.

Именно эти изыскания в области хозяйственной жизни Московского государства XVI—XVII вв. явились определяющими во всей научной деятельности Грекова почти на протяжении двадцати лет, без них — что следует особо заметить — невозможно

понять развитие его кредо как исследователя-источниковеда. Надо только помнить, что во всех своих работах — и это характерно для Б. Д. как ученого — он всегда оставался верен неизменному интересу к археографии, которая при любом его начинании являлась и своеобразным импульсом, и научной лабораторией его ученых изысканий.

Для периода написания истории хозяйства Новгородского Софийского дома в числе подобных археографических работ, проведенных Грековым, в первую очередь следует назвать составление указателя к описанию софийских актов и описание известного собрания новгородских актов книг XVI—XVII вв., хранящихся в архиве Археографической комиссии.²⁰ Обе работы потребовали от Б. Д. не только много сил и внимания (при обзоре новгородских актов книг он завершил их описание и заново «проверил и исправил» работу, выполненную до него Н. И. Сидоровым), но и способствовали выработке у него своего «археографического почерка», одной из особенностей которого была максимальная (палеографическая, дипломатическая, историческая) апробация описываемых документальных материалов.²¹

Весьма результативной оказалась и предпринятая Грековым в 1913 г. по поручению Археографической комиссии поездка в Тихвинский монастырь для осмотра и изучения монастырского архива.²² Хранящиеся в архиве материалы хозяйственной деятельности Тихвинского монастыря за XVI—XVII вв. органически увязывались с подобными же материалами Новгородского Софийского дома, что было для Б. Д. особенно интересным, поскольку давало основания для более широких обобщений о роли и характере крупного вотчинного хозяйства в экономическом развитии России в XVI—XVII вв. Монастырские хозяйственные книги, как и все монастырское делопроизводство, являли, в частности, богатейший материал по истории развития товарно-денежных отношений и рыночных связей в Новгородской земле и особенно на Тихвинском посаде. В 1916 г. Греков по поручению Археографической комиссии совершает поездку в Соловецкий монастырь, цель которой — ознакомление и принятие мер для спасения хранящегося в нем монастырского архива, содержащего уникальное собрание древнерусских рукописей и актов, которому «грозит гибель».²³ И на этот раз архивные изыскания Б. Д. вязались с изучением хозяйства крупной церковной вотчины XVI—XVII вв., правда, теперь преимущественно не земледельческого, а промыслового характера. Не случайно в своих позднейших исследованиях по истории крестьянства Б. Д. неоднократно обращался к материалам по истории Русского Севера, в частности к соловецким актам XV—XVI вв.²⁴

Мы не будем сейчас характеризовать основные итоги проведенного Грековым изучения архивного фонда Новгородского Софийского дома: эта тема заслуживает особого рассмотрения. Отметим лишь главные моменты в том новом подходе к анализу

имевшегося в его распоряжении материала, который обнаружился в исследовании автора и принес в дальнейшем столь плодотворные результаты.

Во-первых, Б. Д., как бы реализуя свое уже цитированное нами письмо к Лаппо-Данилевскому, рассматривает вотчинное хозяйство Софийского дома в его историческом развитии, причем делает главным предметом анализа выяснение вопроса о соотношении форм вотчинного землевладения и хозяйства (а следовательно, и документов, отражающих их деятельность) с использованием в нем крестьянского и наемного (преимущественно бобыльского) труда. Иначе говоря, стремится выяснить в первую очередь вопрос о социально-экономической базе вотчинного строя, как именовал он в то время феодальный порядок. В частности, одним из наиболее интересных выводов Б. Д. является его гипотеза о происхождении владичного землевладения из землевладения княжеского (княжеского домена), проблема служилого поместья и особенно разработка вопроса о роли товарно-денежных отношений в развитии вотчинного (сеньориального) хозяйства. Отсюда и трактовка бобыльских порядных как сделок о найме, а самих бобылей — как наемных работников и — что особенно существенно — выявление зарождения в вотчинном хозяйстве барской запашки и ее роли в развитии барского хозяйства конца XVI—XVII в. как стимулятора и основы закрепощения владельческого крестьянства.

Действительно, попытка на значительно более широкой источниковедческой базе, чем это имело место в предшествующей историографии, непосредственно связать развитие барщинного хозяйства с закрепощением крестьян уже в рамках не только церковного, но и светского землевладения и даже более — преимущественно именно в последнем — нашли свое отражение в известных статьях Б. Д. Грекова «Юрьев день и заповедные годы»²⁵ и «Поместное хозяйство XVI—XVII вв. в Новгородской области»,²⁶ оказавших в известном смысле определяющее влияние на новую — в тематическом и источниковедческом плане — постановку проблемы закрепощения крестьянства в Московской Руси XVI—XVII вв. в советской историографии.

Именно эту проблемно-источниковедческую сторону работ Грекова в 1927 г. особо отметил и положительно оценил А. Е. Пресняков. Он прямо писал, что по сравнению с выдвинутой С. Б. Веселовским концепцией происхождения вотчинного режима из феодального иммунитета (наблюдения автора касаются иммунитетных грамот XV—XVI вв.) работы Грекова базируются на ином круге источников и идут по более правильному пути, выводя крепостничество из эволюции самих форм и характера феодального вотчинного хозяйства. По мнению Преснякова, Веселовский уже в силу самого характера использованного им документального материала не входил и не мог входить в изучение «глубины народной жизни» (народного хозяйства), а «углубить выяснение

вопроса о происхождении вотчинного режима и довести его до желаемой законченности может только изучение внутренних распоряжений боярщины в том направлении, в котором идут ... исследования Б. Д. Грекова, выясняющего то перерождение землевладельческого хозяйства, которое можно определить как переход от хозяйства феодального к крепостническому и которым определялась вся изучаемая С. Б. Веселовским эволюция вотчинного режима».²⁷

В своих исследованиях, во всяком случае до 1927 г., Б. Д., правда, еще прямо не пишет о феодализме в Древней Руси. Но из его концепции уже явно вытекает стремление трактовать вотчинный режим как феодальный, а главное — считать его основным признаком (в отличие от Н. П. Павлова-Сильванского) не схожесть политических институтов и форм землевладения (равно законодательных памятников и актов, их закрепляющих) периода средневековья на Западе и в России, например отождествление феода с вотчиной или бенефиция с поместьем, а общность социально-экономической основы вотчинного хозяйства в России и сеньории на Западе. Это была уже серьезная заявка на трактовку феодализма как определенной общественной и хозяйственной формации — основы аграрного строя Московской Руси. И не просто заявка, а новая интерпретация всей совокупности дошедших до нас источников по социально-экономической истории России XV—XVII вв.

Совершенно четко выявился в указанных архивных и монографических изысканиях Грекова (именно это определяет его лицо как историка-источниковеда) и окончательно сложившийся у него к этому времени взгляд на практику исторического исследования, в котором он отводит решающую роль конкретно-историческому анализу социально-экономической жизни и общественных отношений, а главное — характеризует дошедшие до нас актовые и иные подобные им материалы XV—XVII вв. как исторические реалии, а не просто и не только как их правовое отражение. Не признавал Греков и источниковедения вне исторического осмысления. Для него это единый процесс познания, органически связанный во всех своих компонентах и взаимообогащаемый на всех своих стадиях. Он всегда стремился к максимально реальному восприятию исторического факта, явления, процесса, вплоть до персонификации его участников (будь то сам владыка или владычный приказчик, ключник или волостной староста, крестьянин или бобыль), и всегда был чужд попыткам его абстрактного формализованного выражения. Именно поэтому говорить о Б. Д. как источниковеде и не говорить о нем как об исследователе существа исторического явления невозможно. Все уже названные, как и последующие, исследования Грекова, кроме обобщающих работ и специальных проблемных статей, — это в первую очередь источниковедческие изыскания в том смысле, что любой его вывод, любое положение устанавливается им в результате интенсивного

рассмотрения (а не иллюстрации примерами) всей совокупности имеющихся в его распоряжении источников и всегда обязательным элементом подобного изучения является проверка общего наблюдения микроанализом источника и факта. Например, изучение истории крестьянских порядных, вотчинных книг или обжи (как податной единицы) осуществляется им путем их проецирования на реальную хозяйственную жизнь не только отдельной деревни, но и отдельного крестьянского двора. Количественными доказательствами при работе над источниками Б. Д. пользовался крайне редко. Математических приемов для обработки древнерусских памятников он никогда не применял.

Подобный научный подход, положенный Б. Д. в основу работы над материалами по истории вотчинного и крестьянского хозяйства XV—XVII вв., сразу же был замечен и оценен его наиболее авторитетными оппонентами, особенно С. В. Рождественским и А. Е. Пресняковым, и именно он во многом определил новизну и перспективность его исследовательских начинаний, получивших столь яркое выражение уже на новом этапе развития советской исторической науки.

В нашем очерке мы опускаем оригинальные исследования Грекова конца 20-х—начала 30-х гг. по изучению источников об экономической истории России XVIII—начала XIX в. (имеем в виду анализ хозяйственных анкет и документов помещного хозяйства).²⁸ Более важна чрезвычайно активная археографическая деятельность Б. Д. этих лет. Дело в том, что еще в конце 20-х гг. Археографической комиссией, а с начала 30-х гг. созданным на ее основе Историко-археографическим институтом АН СССР, одним из руководителей которого стал Греков (он был ученым секретарем, затем заместителем директора института), предпринимается многотомное издание материалов по истории народов СССР и истории крепостной мануфактуры в России. Первая публикация (по истории народов) была наиболее близка научным интересам Б. Д. в той ее части, которая касалась издания писцовых книг XV—XVII вв. Под наблюдением и руководством Б. Д. Грекова в 1930—1932 гг. были подготовлены три выпуска этой документальной серии: «Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.»,²⁹ «Писцовая книга города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г.»³⁰ и «Материалы» о торговле с Московским государством и международном положении Средней Азии в XVI—XVII вв. (публикация документов, касающихся народов Узбекистана, Таджикистана и Туркмении).³¹ Особенно ценной публикацией Б. Д. считал издание обонежских писцовых книг (именно по его самому активному настоянию Археографическая комиссия взялась за него), поскольку по Обонежью, как отмечал он в своем предисловии к 1-му выпуску, «до сих пор не было научно издано ни одной писцовой книги», а «издаваемые... материалы являются одним из наиболее содержательных источников по экономике и общественным отношениям нашей древности».³²

Что касается публикации архивных материалов по истории крепостной мануфактуры в России (идея их издания была связана с возложенной тогда на Историко-археографический институт задачей общей перестройки и актуализации тематики археографической работы в системе Академии наук), то Греков взял на себя руководство подготовкой к изданию материалов по истории Тульских, Каширских и Олонецких железоделательных и медных заводов, а также Московских полотняных казенных мануфактур XVII—начала XVIII в.³³ Это были первые в советской историографии крупные тематические публикации по экономической истории России XVII—XVIII вв. В ходе их подготовки разрабатывались и многие общие археографические принципы ведения подобных изданий.³⁴

Но как ни значительны были указанные публикационные работы, не они определяли основной путь творческих поисков Б. Д. на рубеже 30-х гг. Этот путь определяли иные факторы.

В начале 30-х гг. развернулась широкая дискуссия о социально-экономической природе Киевского государства, в которой приняли участие как ученые старшего поколения, так и молодые историки-марксисты, примыкавшие к «школе» М. Н. Покровского. Активным участником дискуссий был Б. Д. Греков.

Главным стержнем дискуссии являлся вопрос: была ли Киевская Русь феодальным или рабовладельческим государством? Отсюда и выяснение степени ее экономического, социального и культурного развития по сравнению со странами Западной Европы и Византией. Иначе говоря, стоял вопрос о принятии (или отрицании) существования феодализма в Древней Руси как общественной формации.³⁵ Сами же споры шли как бы по двум направлениям — теоретическому и конкретно-историческому (источниковедческому). Последнее направление по существу было решающим, так как опиралось на реальное истолкование фактов, а не на общие социологические схемы.

В ходе этих дискуссий, принимавших иногда крайне острые формы (достаточно сослаться хотя бы на выступления М. М. Цвибака),³⁶ Греков и выдвинул свою известную концепцию становления и развития феодального общества в Древней Руси IX—XII вв., получившую развитие в его монографических исследованиях о Киевской Руси, которые под несколько разными названиями и с довольно существенными коррективами и дополнениями преимущественно источниковедческого порядка, осуществляемыми в ходе изысканий автора, выходят из печати в середине 30—40-х гг.³⁷

Если оставить в стороне общетеоретические опосредствования проблемы происхождения феодализма в России — они были в своей основе результатом коллективной мысли многих участников дискуссии (здесь следует назвать в первую очередь С. В. Юшкова, Н. Л. Рубинштейна, С. В. Вознесенского), — а попытаться взглянуть на становление, так сказать, «грековской концепции» разви-

тия русского феодализма, то нетрудно увидеть, что Греков как бы переносит уже сложившиеся у него еще в 20-х гг. представления о вотчинном хозяйстве XV—XVII вв. как хозяйстве сеньориального типа (следовательно, феодальном), широко использующем крепостной или полукрепостной крестьянский труд, на более ранний период, как бы проецирует его на Киевскую Русь. Об этом по существу сам Греков прямо пишет в крайне примечательной вводной статье к известной публикации «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.» (речь идет о вотчинах боярина Морозова), изданной в 1933 г., как раз в период подготовки им монографии о Киевской Руси.

Отмечая, что еще в конце XIX в. в русской науке стали говорить о феодализме, о необходимости «порвать» с представлениями о «совершенной самобытности» России или ее «полной противоположности» пережившему феодализм Западу, и ссылаясь при этом на Павлова-Сильванского, который «старался путем сравнения отдельных феодальных институтов западноевропейских и русских убедить в том, что феодализм в основных чертах существовал как там, так и здесь» (в России), Б. Д. говорит о необходимости «пересмотреть» и «разрушить» эти старые концепции и дать иное решение проблеме феодализма. Ключом к этому решению, по мнению Грекова, должен стать «вопрос о том, насколько данное боярское, монастырское или помещичье хозяйство в данный отрезок времени (речь идет о XVII в. — Н. Н.) в своей организации и способах производства соответствует нашему представлению о феодализме, как общественной формации». А отсюда главный вывод, как бы исходная позиция Грекова: «Если мы хотим обозреть уже пройденный для морозовской вотчины путь, то нам необходимо идти по следам развития сельского хозяйства и общественных процессов, из этого развития вытекающих, начиная с момента образования этих вотчин». Таким исходным моментом он и считает Киевскую Русь.³⁸

Определяет Б. Д. и главный источник, на основе которого может и должна решаться эта проблема. «На страницах Русской Правды, — прямо указывает Греков, — мы находим вотчину уже готовой, нам остается только следить за дальнейшим ее развитием». Правда Ярославичей — это устав, «изображение княжеского домена». Здесь уже наличествуют и князь-землевладелец, и княжеские слуги, и «эксплуатируемое население — смерды, изгои, рядовичи и холопы, причем смерды, рядовичи и изгои несомненно находятся в феодальной зависимости от своих господ (это не исключает, однако, наличие «свободных» смердов, не успевших попасть в эту зависимость)». Именно так толкует Б. Д. соответствующие правовые нормы Русской Правды. Такие же вотчины — сеньории — были, по Грекову, и у бояр X—XII вв. Есть у феодалов Киевской Руси, как полагал тогда ученый, и незначительная барская запашка, которую обычно пашут, правда, не смерды, а либо холопы, либо закупы, изгои и рядовичи.³⁹

Вообще работа Б. Д. Грекова над изучением Русской Правды, которой он начал специально заниматься еще в 1919 г., во время своей профессорской деятельности в Таврическом университете, заслуживает в источниковедческом плане специального рассмотрения. Но вряд ли мы ошибемся, если уже сейчас скажем, что к работе над текстом Правды Б. Д. подходил примерно с тех же позиций, как в свое время А. А. Шахматов к изучению Повести временных лет. Оба крупнейших, но далеко не схожих по своему исследовательскому почерку и научным интересам ученых (и дело тут не только в том, что один был историком, а другой — филологом и лингвистом) смотрели на источник в первую очередь как на документальное свидетельство реальной жизни, отразившейся в летописном повествовании и в правовых нормах по-разному, но обязательно со следами живой человеческой среды, быта и политических интересов.⁴⁰ Изображать же Шахматова (и в этом плане противопоставлять его Грекову) сторонником «объективизма» в источниковедении, как иногда имеет место в историографии, неправомерно. Наоборот, и Шахматов, и Греков (это подтверждает все их научное наследие) всегда были чужды восприятию древнерусских памятников глазами «чистого источниковеда», смотрящего на изучение источника как на самоцель и полагающего, что источниковед должен устанавливать факты («очищать» источник), а историк-исследователь — их объяснять.⁴¹ Не находим в работах обоих ученых мы и попыток формализованного «системного анализа» источников, хотя, как мы уже отмечали, подобная методика, например в отношении изучения древнерусских актов и писцовых книг, стала разрабатываться на историко-филологическом факультете Петербургского университета еще до 1917 г. и оба исследователя особенно внимательно следили за деятельностью в этой области А. С. Лаппо-Данилевского: один — в качестве коллеги и сотоварища, а другой — ученика. Но вернемся к изучению Грековым проблемы становления феодализма в Киевской Руси.

Итак, воссоздаваемая Б. Д. Грековым преимущественно на базе анализа Русской Правды картина социального строя Киевской Руси весьма близка (в своей типологической характеристике) вотчинному хозяйству XV—XVII вв.

Не случайно в той же статье о морозовской вотчине XVII в. Б. Д. говорит и о роли феодализма в изживании первобытно-общинного строя, причем и на этот раз он все время сравнивает (в качестве аналога) особенности феодализма (следовательно, и источники, их определяющие) в Древней Руси IX—XII вв. и в Московской Руси XVII в. как разные стадии одной и той же феодальной формации. Так, говоря об изживании рабства, Греков пишет: «Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в киевском и новгородском обществе применение рабского труда свидетельствует о наличии рабов в качестве одного из старых пережитков, отнюдь, конечно, не ведущего, так как рядом с ним гораздо более

заметно и успешно развивались все элементы феодализма. В условиях окружения феодальными странами (античного общества в IX—XI вв. не было в Европе нигде), так или иначе входившими в соприкосновение с Киевской и Новгородской Русью и несомненно сильно способствовавшими разложению патриархального строя у восточных славян, едва ли могло быть иначе, если судить по аналогии с развитием отставших народов в окружении капиталистическом». ⁴² Этот вывод имел в свое время большое значение не только в теоретическом, но и в источниковедческом плане, поскольку послужил толчком, как мы увидим далее, для постановки как самим Б. Д., так и его последователями ряда сравнительно-исторических исследований по изучению истории обычного права и древнейших варварских правд у восточнославянских и западных народов периода раннего средневековья.

Б. Д. Греков решительно возражает и против мнения об относительной свободе (по сравнению с европейскими странами) русского крестьянства периода средневековья, которое, как полагало большинство исследователей XIX—начала XX в., было закрепощено лишь в конце XVI—середине XVII в. Греков указывает, что это мнение «базируется на общем представлении о своеобразии русского исторического процесса, что не соответствует действительности». Оно не подкрепляется, как он тогда полагал, имеющимися в нашем распоряжении источниками о положении русского крестьянства в период средневековья. «Процесс феодализации, — писал Греков, — нес с собой огромному большинству крестьянства зависимость от землевладельцев, и в этом отношении история феодализма в России ничем не отличается от феодализма в любой стране земного шара». ⁴³ Начало закрепощения крестьянства Б. Д. относит еще ко времени Русской Правды и считает его неотъемлемым признаком феодализма как общественной формации.

Подобная трактовка крепостничества и его роли в развитии феодального общества типична для советской историографии 30—40-х гг. Она безоговорочно принималась в то время почти всеми исследователями как обязательная теоретическая посылка для любой работы по истории феодализма. ⁴⁴ Именно из нее исходил Греков в своих работах.

И действительно, в середине 30-х—40-х гг. Греков не только проводит новые изыскания по источниковедческой апробации указанных положений, но и придает своим выводам еще более определенный характер. Развитие феодализма, как он теперь полагает, — это прежде всего и по преимуществу развитие крепостничества. Эта концепция и была изложена Б. Д. Грековым в двух его весьма примечательных работах — «Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне» ⁴⁵ и «Главнейшие этапы по истории крепостного права в России», изданной в 1940 г. и представляющей как бы авторские тезисы по истории русского крестьянства X—XVII вв.

Б. Д. Греков в рабочем кабинете. Около 1940 г.

В источниковедческом плане особый интерес имеют «Очерки» — глубоко фундированное источниками аналитическое исследование развития феодализма в России с киевского периода по XVII в. Вторая книга носит более общий характер, хотя свои конечные выводы автор формулирует именно в ней.

Основная цель указанных работ — наметить те главные источниковедческие линии, по которым группируется и по которым, с точки зрения автора, может быть истолкован для выявления истоков крепостничества дошедший до нас материал о положении русского крестьянства в X—XVII вв. Причем Греков, как и при изучении им генезиса крупного феодального землевладения, как бы высвечивает в древнерусских источниках, особенно в законодательных памятниках и актовом материале, все данные, касающиеся преимущественно личной (в его интерпретации «крепост-

ной») зависимости крестьянина от феодала, и именно их берет за основу выдвигаемой им концепции происхождения крепостного права в России.⁴⁶ Не случайно поэтому он сосредоточивает свое основное внимание на владельческих крестьянах и в значительно меньшей степени — на крестьянах черносошных, проживающих на волостных землях и числящихся в источниках «свободными людьми» (терминология XIV—XV вв.).

Особое внимание в своих исследованиях Б. Д. и на этот раз уделяет раскрытию историко-юридического «понятийного аппарата», имея в виду в первую очередь характеристику различных категорий крестьянства. Ставит он вопрос и о методике истолкования древнерусских социально-правовых институтов языком экономики как об одном из источниковедческих приемов раскрытия общественных отношений в их жизненном разнообразии и социальной динамике. Так, например, характеризуя смерда Киевской Руси и считая его предком в равной степени и черносошного, и владельческого крестьянина Московской Руси XV—XVI вв., Греков предлагает (в качестве «метода исследования») «отказаться от попыток дать единую юридическую формулировку явлению, не имевшему этого единства и в конкретной обстановке. Необходимо подойти к решению задачи, — подчеркивает он, — с мыслью о сложности и разнообразии правовых положений в крестьянской среде, и если искать точного общего определения, то нужно обращаться к терминам не юридическим, а экономическим, стараться найти место смерда в определенной системе производства». «Что касается юридических признаков, то, — по мнению Грекова, — крестьяне могут быть либо свободными, либо зависимыми в разной степени и форме от землевладельцев, как светских, так и церковных».⁴⁷

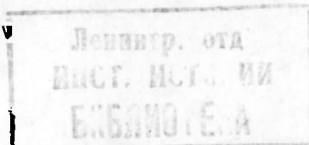
Мы привели частный пример, касающийся подхода Грекова к вопросу о смердах. Но он крайне характерен для понимания творческой лаборатории ученого, поскольку предлагаемый им метод таит в себе широкие исследовательские возможности в истолковании источника и факта, независимо от тех конкретных результатов, к которым может прийти тот или иной исследователь, его применяющий, и которые, как и наблюдения самого Грекова, могут быть оспорены их оппонентами — все дело в наличии доказательств. Но это уже иной вопрос. Нам же хотелось подчеркнуть, что в своих работах в области аграрной истории (а именно к ней и в наши дни обычно сводят почти всю историю феодализма) он оставался прежде всего исследователем-источниковедом. Не случайно поэтому источниковедческие наблюдения Грекова, воссоздаваемая им на их базе картина древнерусской жизни (правда, по преимуществу и в основном сельской) шире, глубже и разностороннее предлагаемой им общей схемы происхождения крепостного строя в России, на которой к тому же не могла не сказаться дань времени, в частности «исследовательские издержки» (особенно недооценка роли торговли и городов в развитии феодаль-

ного общества), которые имели место в развернувшейся в это время критике теории «торгового капитализма» М. Н. Покровского, а в ней Греков, как и большинство советских медиевистов, принимал активное участие.⁴⁸ Кстати, последний момент далеко не всегда учитывается при оценке ученой деятельности Б. Д., особенно когда речь идет о его исследованиях середины и конца 30-х гг.

Отмеченные общие исследовательские установки и легли в основу почти всех дальнейших работ Б. Д. по истории русского крестьянства, в первую очередь его капитального труда «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVI века», где автор подводит итоги своим почти сорокалетним изысканиям в области аграрной истории России.⁴⁹ Мы не будем касаться основного содержания и выводов этого в известном смысле программного исследования Б. Д., оказавшего столь значительное влияние на всю советскую историографию по истории крестьянства.⁵⁰ Отметим лишь, что наибольшую ценность, с нашей точки зрения, оно имеет в своей источниковедческой части, в тех конкретных наблюдениях и характеристиках, которые дает Греков тем или иным явлениям и фактам в области истории вотчинного и крестьянского хозяйства и которые обосновываются им путем предельно углубленного анализа всей совокупности дошедших до нас источников — законодательных памятников, актов, писцовых и вотчинных книг.

Здесь нам хотелось бы сделать еще одно разъяснение, касающееся общей позиции Б. Д. Грекова в отношении собственно источниковедческого и исторического исследования в работе историка. Мы уже отмечали, что обе названные стороны научного изыскания в работах Грекова не только органически связаны между собой, но и взаимообусловлены в своей основе, в своей исходной позиции. Не случайно монографии Грекова «полны источниковедения», но у него почти нет специальных работ об источниковедении. Даже тогда, когда Б. Д. руководил кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Ленинградском университете и вел на историческом факультете практические занятия по текстологии Русской Правды, дипломатике и палеографии, он, как вспоминают его ученики (Г. Е. Кочин, К. Н. Сербина, Р. Б. Мюллер, И. И. Смирнов, В. В. Мавродин), не признавал правомерности обособления изучения этих дисциплин, отводя им роль лишь практической лаборатории исторического исследования. Не признавал Греков и абстрактного «теоретического источниковедения», считая (и этому учил своих учеников), что источниковедение должно всегда реализовываться в конкретной исследовательской деятельности и подготовке публикаций.

Огромную роль сыграли работы Б. Д. Грекова и в изучении источников по истории становления и развития феодального строя в славянских странах Восточной Европы. Эта тема привлекала Б. Д. еще в студенческие годы, во время его занятий в семинарии Д. М. Петрушевского по изучению «варварских правд», но была

отодвинута в связи с работами по изучению Московской Руси XVI—XVII вв. и только в 30-х гг. вновь встала перед ним, когда он активно включился в разработку истории Киевской Руси. Но встала теперь уже в новом ракурсе: в плане сравнительно-исторического изучения генезиса феодализма на Руси и в соседних славянских странах (в особенности изучения «славянских правд»), а в связи с этим и выяснения влияния на этот процесс Византии. Подобное комплексное исследование было новшеством в отечественной историографии. Результаты его были плодотворны.

После появления в 1939 г. известной рецензии Б. Д. Грекова на работы академика В. Г. Васильевского по истории древних славян и Руси, касающейся проблем сопричастности русской и византийской культур, которой как бы начинается путь его новых творческих исканий по истории славянства,⁵¹ одна за другой на протяжении 40-х гг. выходят его специальные исследования, посвященные истории общины и феодального права у южных и западных славян IX—XVI вв., в частности изучению развития феодальных отношений в Галицкой Руси.⁵² Особое внимание уделяет Б. Д. рассмотрению источников по истории славянской общины и ее роли в формировании раннефеодальных отношений в Восточной Европе.

Исходя из мнения, широко аргументированного им археологическими и письменными источниками, что восточное славянство было земледельческим народом с высокоразвитой аграрной культурой, Б. Д. отстаивает положение (главный тезис его исследований по истории раннего славянства), что в VI в. славяне пришли в пределы Восточноримской империи со своим общинным строем, который нес конец античному рабству и способствовал установлению нового, более прогрессивного феодального строя, экономической базой которого всегда оставалось земледелие. В IX—X вв., как считал Греков, возникают и противостоят Византии раннефеодальные славянские государства.

Основные выводы из его исследований, которые Б. Д. Греков неоднократно докладывал на общих собраниях АН СССР, научных симпозиумах и международных конференциях славистов, получили широкое признание в советской и зарубежной науке. По сей день они по существу лежат в основе концепционных построений, проводимых в наших обобщающих трудах по истории образования и развития Древнерусского государства и славянских стран периода раннего средневековья. В этом отношении труды Б. Д. Грекова — целая эпоха в развитии советской историографии. А с его трактовкой истории Киевской Руси и истории русского крестьянства не может не считаться любой современный исследователь феодальной России.

Объяснение этой «крепости» грековских построений лежит, конечно, не только и не столько в способности Б. Д. к крупным концепционным построениям, а в той источниковедческой апроприации, которая составляет основу его исследований.

Здесь мы подходим к новой странице ученой деятельности Б. Д., а именно к его археографическим начинаниям конца 30-х гг. и их результативности, которые настолько органически связаны с его источниковедческими изысканиями, что без них невозможно понять его творческий путь как ученого в 40-х—начале 50-х гг.

Став заместителем директора, а с 1937 г. — директором Института истории АН СССР и являясь одновременно заведующим его Ленинградским отделением (бывший Историко-археографический институт), Б. Д. поставил одной из главных задач института реализацию своей давней идеи — издания важнейших источников по истории феодальной России. Именно в подготовке подобных научных изданий он видел один из наиболее действенных методов укрепления академизма, фундаментальности исторической науки.⁵³ В этой области Б. Д. удалось сделать очень много, а главное — объединить вокруг археографических работ, проводимых институтом, крупнейших специалистов в области отечественной и зарубежной медиевистики, что в свою очередь способствовало возрождению лучших традиций отечественной историографии, сохранению научных школ, созданных крупнейшими русскими и советскими учеными. Эту сторону деятельности Б. Д. мы не всегда в должной степени оцениваем, а именно она сыграла большую позитивную роль в развитии советской исторической науки.

При участии ряда ведущих советских историков, филологов, лингвистов, востоковедов в 1935—1936 гг. Б. Д. Греков разработал гигантский план, которого никогда не знала дореволюционная наука, полного издания источников ранних исторических эпох: летописей, актов, законодательных памятников, писцовых книг, известий и записок иностранных путешественников и дипломатов о Древней и Московской Руси.⁵⁴

Б. Д. Грековым совместно с его ленинградскими коллегами и учениками (В. Г. Гейманом, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербиной и Н. С. Чаевым) были подготовлены и изданы в 1936 г. «Правила издания документов XVI—XVII вв.»,⁵⁵ которые должны были заменить подобные же «Правила», разработанные Постоянной исторической комиссией Академии наук под руководством А. С. Лаппо-Данилевского для издания грамот Коллегии экономики,⁵⁶ а также учесть опыт научно-публикационной деятельности Историко-археографического института. Особое внимание в новых правилах было уделено вопросам передачи текста и созданию наиболее благоприятных условий для «исторического изучения» документов. Авторы отказались от требования обязательной передачи в исторических публикациях «графической точности» написания документов XVI—XVII вв., рекомендовали издавать текст по новой орфографии, но с сохранением фонетических особенностей подлинников. Подробно был разработан вопрос о научно-вспомогательном аппарате публикаций: составление заголовков, легенд, примечаний, указателей, археографического и исторического введений. Издание правил имело важное значение для развития

советского источниковедения (особенно актов дипломатики XVI—XVII вв.). Это был по существу первый опыт научного обобщения основных достижений советской археографии в области публикации источников периода феодализма. Не случайно ряд предложенных в них решений вызвал в дальнейшем оживленные дискуссии среди археографов.⁵⁷

К реализации намеченного плана новых документальных изданий Академии наук были привлечены такие крупнейшие научные авторитеты, как академик С. Б. Веселовский (издание актов), М. Д. Приселков (издание летописей), академик И. Ю. Крачковский (публикация арабских источников). Имел в виду Греков и публикацию византийских источников, касающихся истории славянства и Древней Руси, а также возобновление работ, начатых еще до 1917 г. академиком В. В. Латышевым по изданию «Корпуса боспорских надписей» — греческих надписей на античных надгробиях, найденных на территории Крыма и сохранивших важнейшие сведения о древнейшем периоде жизни народов Северного Причерноморья, — идея, активно поддержанная академиками С. А. Жебелевым, И. И. Толстым и В. В. Струве. Сам Б. Д. возглавил подготовку многотомного издания законодательных памятников Русского государства.

Бесспорно наиболее сложным и в то же время наиболее значимым в научном отношении было академическое издание Русской Правды — текстов и комментариев. Б. Д. Греков был не только инициатором, редактором, но и самым активным участником этого фундаментального издания (над текстологией Русской Правды Б. Д. начал работать еще в 1919 г. в Таврическом университете).⁵⁸ Я не ошибусь, если скажу, что работа над изданием Русской Правды явилась тем источниковедческим фундаментом, на котором встала на прочные ноги марксистская концепция становления и развития феодализма в Древней Руси. Данное издание, как и публикация грамот Великого Новгорода и Пскова (1949 г.), Судебников XV—XVI вв. (1952 г.), наконец, I тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (1952 г.), неотделимо от работ советских исследователей, прежде всего работ самого Б. Д., по изучению истории феодальной России X—XVI вв.

Особенно это видно на примере подготовки академического издания Русской Правды. Б. Д. удалось сплотить вокруг издания, активная работа над которым была начата в 1935—1936 гг.,⁵⁹ крупнейших советских историков и археографов, среди которых следует назвать в первую очередь Б. В. Александрова, В. Г. Геймана, Г. Л. Гейерманса, Г. Е. Кочина, Н. Ф. Лаврова, В. П. Любимова, Б. А. Романова, М. Н. Тихомирова. В 1940 г. под редакцией Б. Д. были опубликованы тексты Русской Правды,⁶⁰ классификация списков и текстологическая подготовка которых оказались особенно сложными и вызвавшими бурные дискуссии среди участников издания и их оппонентов. Особенно следует отметить

помощь и советы такого известного исследователя Правды, как Н. А. Максимейко, мнения которого Греков считал крайне ценными.⁶¹

Подготовка второго тома, который должен был включить научные комментарии, велась параллельно и тоже весьма интенсивно, о чем говорит изданное АН СССР в 1940 г. под редакцией Б. Д. Грекова учебное пособие по Русской Правде, содержащее ценные исторические комментарии (авторами их были Б. А. Романов и Г. Е. Кочин) и являющееся в этом смысле как бы апробацией подобного академического труда.⁶² Война задержала подготовку издания, но уже в 1947 г. второй том был опубликован.⁶³

Трудно переоценить значение этого крупнейшего научного издания, которое справедливо считается «археографическим эталоном» для подобного рода публикаций древнерусских историко-юридических памятников. Главная заслуга в его реализации бесспорно принадлежит Б. Д., как его вдохновителю, организатору и редактору. И совершенно прав был С. Н. Валк, когда писал, что только тогда, когда за издание Русской Правды «взялся Б. Д. Греков, оно получило надлежащее направление и было закончено с замечательным успехом».⁶⁴ Действительно, академическое издание Русской Правды сразу же получило высокую научную оценку среди советских и зарубежных специалистов. Так, С. В. Юшков, постоянный и наиболее авторитетный ученый оппонент Б. Д. в области изучения Киевской Руси, прямо писал в своем обширном отзыве на «это прекрасное издание», что, «несомненно, выход в свет первого тома „Русской Правды“ является крупнейшим событием в советской исторической науке и большим ее торжеством».⁶⁵

Непосредственным продолжением издания Русской Правды, по плану Грекова, было издание грамот Великого Новгорода и Пскова XV в., осуществленное Ленинградским отделением Института истории под редакцией С. Н. Валка, и Судебников XV—XVI вв. — под редакцией самого Б. Д. Тексты Судебников были подготовлены Р. Б. Мюллер, а обширные комментарии к ним — Л. В. Черепнинным (Судебник 1497 г.), Б. А. Романовым (Судебник 1550 г.) и А. И. Копаневым (Судебник 1589 г.). По инициативе Б. Д. Грекова в 1949 г. Р. Б. Мюллер начала архивные изыскания по подготовке следующего тома серии — «Законодательные памятники Русского централизованного государства второй половины XVI—первой половины XVII в.», в который должны были войти царские указы, включенные в своем большинстве в Указные книги московских приказов, от Судебника 1550 г. до Уложения 1649 г. Р. Б. Мюллер провела огромную и крайне сложную работу по выявлению и археографической подготовке к изданию текстов указов, к сожалению, неожиданно прерванную в 1951 г. и восстановленную в планах АН СССР лишь в середине 70-х гг.⁶⁶ Тогда же (в 1976 г.) была начата и подготовка научных комментариев к публикуемым указам, которые, по замыслу Грекова, должны

были быть написаны в основном по типу комментариев к Судебникам. В настоящее время указанный том «Законодательных памятников...» подготовлен Ленинградским отделением Института истории СССР к изданию.⁶⁷

Исключительно плодотворным оказался и план Грекова по изданию актовых материалов по социально-экономической истории Русского государства XIV—XVI вв., вопрос об издании которых, как уже отмечалось, был поставлен Историко-филологическим отделением Академии наук еще в 1901 г. по инициативе А. С. Лаппо-Данилевского, активно поддержанной тогда академиками С. Ф. Платоновым и А. А. Шахматовым. К сожалению, Археографической комиссии удалось опубликовать лишь два тома северных актов из фонда грамот Коллегии экономии. Имелась в виду публикация грамот именно этого фонда, в состав которого вошли монастырские и церковные акты материалы XV—XVII вв.⁶⁸ Б. Д. Греков, касавшийся работ над этим изданием еще в 1908—1918 гг., в годы своего ученого общения с А. С. Лаппо-Данилевским, теперь решительно пересмотрел прежний план Археографической комиссии, полагавшей издать фонд грамот Коллегии экономии, расположив все содержащиеся в нем акты по территориально-хронологическому принципу, и вместе с академиком С. Б. Веселовским выдвинул идею иной серии публикаций — издания крупнейших монастырских собраний в их цельном виде: сперва все акты до 1505 г. (до правления Василия III), а позднее — и за весь XVI в. В археографическом отношении это было принципиально новое решение, основная цель которого — сохранить монастырские фонды в том виде, в котором они складывались и существовали в XV—XVII вв. Это полностью соответствовало «старой» идее Грекова о необходимости издания вотчинных фондов в их цельном, исторически сложившемся виде и в то же время явно противостояло мнению Лаппо-Данилевского.

При жизни Б. Д. Грекова и под его редакцией в 1952 г. был издан I том актов, составленный С. Б. Веселовским и включающий акты Троице-Сергиева монастыря до 1505 г. Как и академическое издание «Правды Русской», I том «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.» (так была поименована эта документальная серия) в археографическом отношении является образцом подобного рода актовых изданий. После смерти Б. Д. в 1953 г. это крупнейшее «грековское начинание» возглавил академик Л. В. Черепнин, под редакцией которого были изданы последующие тома этой серии.⁶⁹ Что касается полного издания северных крестьянских актов, вошедших в состав монастырских фондов русского Поморья XVI—XVII вв., лишь незначительная часть которых включена в состав I и II томов «Сборника грамот Коллегии экономии», то и эта идея Б. Д. получает в настоящее время свою реализацию в подготовляемых Ленинградским отделением Института истории СССР к изданию «Актах Северной России XVI—начала XVII в.». I том «Актов...

включает акты Соловецкого монастыря XVI в., первым ученым исследователем и археографом которых был Б. Д. Греков. Ему же советская наука во многом обязана и их спасением для исследователей.⁷⁰

Широкое развитие получил и намеченный Б. Д. план нового издания «Полного собрания русских летописей», который был им разработан в первом варианте вместе с М. Д. Приселковым, а позднее переработан при участии А. Н. Насонова и академика Д. С. Лихачева, чье ученое мнение и советы особо ценил Б. Д. Эта работа с 1954 г. успешно проводится советскими летописедами: сперва под руководством академика М. Н. Тихомирова, а в настоящее время — академика Б. А. Рыбакова, председателя Комиссии Отделения истории АН СССР по изданию Полного собрания русских летописей.

Таковы те наиболее крупные археографические начинания в области отечественной истории и особенно истории Древней Руси, которые были намечены по инициативе Б. Д. Грекова, как их редактора и руководителя археографических изысканий, и которые еще при его жизни получили широкое признание в советской и зарубежной науке.

Археографическая деятельность Б. Д. Грекова имеет крупнейшее значение для понимания многих явлений в развитии советской историографии. Именно Б. Д. во многом «повинен» в том, что сохранил преемственность поколений советских медиевистов и создал творческий импульс для многих и многих ученых начинаний, которые мы выполняем и по сей день.

И в заключение, вернее, вместо заключения, несколько воспоминаний. Мне довелось слушать лекции и доклады Бориса Дмитриевича в Ленинградском университете, когда он в 1945—1951 гг. (правда, в последние годы жизни все реже и реже) приезжал в Ленинград. Читал лекции Б. Д. довольно сухо, несколько приглушенным голосом. Но нас, студентов, всегда привлекала та исключительная четкость концепций, выводов и научной аргументации, которой они сопровождались. Часто Б. Д. приводил и специальные источниковедческие пояснения.

Познакомился я с Б. Д. лишь в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР, куда был принят в 1951 г. Мне особенно запомнилась последняя беседа с Б. Д. во время его приезда в Ленинград в конце 1952 г. Это был период острых научных дискуссий, серьезной идейной и организационной перестройки, коснулась она и академических учреждений. Б. Д. становилось все труднее руководить институтом. Сказывалось и ухудшение здоровья.

Борис Дмитриевич пригласил меня к себе в номер гостиницы и неожиданно для меня стал говорить о необходимости нам — молодежи — как можно более внимательно относиться к источниковедческой стороне исследования, к архивным изысканиям и главное — не быть нигилистами в отношении трудов своих пред-

шественников. Особенно волновала его возможность реорганизации ЛОИИ, которое, как любил шутить Б. Д., всегда было его «родным домом», а архив — первой археографической школой. В словах Бориса Дмитриевича звучала глубокая, искренняя забота об ученых-коллегах, забота не академика-мецената, а товарища по творческим поискам, товарища по «историческому ремеслу». Борис Дмитриевич очень подробно расспрашивал меня о Б. А. Романове (он знал, что я его ученик по университету), просил приободрить его: Романов тяжело переживал прекращение его университетских занятий и переключение лишь на «академическую» науку. Это тем более хочется отметить, поскольку Борис Александрович и Борис Дмитриевич далеко не во всех научных вопросах сходились между собой, слишком различны они были по своему научному складу, да и книгу Романова «Люди и нравы Древней Руси» Греков считал излишне нигилистичной в отношении оценки русского «феодалного общества» XI—XIII вв.

Окончилась беседа разговором о моих научных планах. Борис Дмитриевич знал от Ивана Ивановича Смирнова, что я занимаюсь губными старостами. Он одобрил эту тему, которой, как рассказал Б. Д., предполагал посвятить специальную статью, когда работал над новгородскими актовými материалами, в частности изучал кабальные книги XVI в. (в новгородских пятинах они велись губными старостами). Было видно, что даже сейчас, когда он был признанным главой советской исторической науки — академиком-секретарем и директором головного института, он по-прежнему оставался не администратором, а ученым, всегда увлеченным новыми творческими замыслами и идеями.

Для всех знавших Бориса Дмитриевича, всех учившихся и учащих на его замечательных научных трудах он всегда будет ученым-патриотом, патриотом своего дела, своей науки, своей страны. И какие бы новые открытия, новые интерпретации не вносили бы дальнейшие научные изыскания в осмысление отечественной истории, ученый вклад Бориса Дмитриевича Грекова в ее разработку всегда останется велик и многогранен.

¹ Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии. — Археограф. ежегодник за 1958 г. М., 1960, с. 223.

² Греков Б. Д. Новгородский дом св. Софии. (Опыт изучения организации и отношений церковной вотчины). СПб., 1914, ч. I, предисловие, с. XII—XIII.

³ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — Труды юбилейной научной сессии ЛГУ, секция истор. наук, 1948, с. 48—49, 56—58. — Если вспомнить, что С. О. Ключевский был одним из первых авторов специальных лекционных курсов по русскому источниковедению и древнерусской терминологии, читанных им именно в Московском университете (Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. VI), то вряд ли будет правильно характеризовать его лишь как одного из основателей «проблемного» направления в русской историографии. По-иному, чем С. Н. Валк, оценивал соотношение московской и петербургской исторических школ С. Ф. Платонов, сменивший в 1893 г. К. Н. Бестужева-Рюмина и руководивший кафедрой русской истории Петербургского университета до 1917 г. Он не противопоставлял собственно источниковедческое исследование проблемному изучению исторических событий. О школе Петербургского

университета С. Ф. Платонов писал: «Из нашего университета вместе с навыками научной критики я вынес стремление к отвлеченным историческим построениям и веру в то, что плодотворна только та историческая работа, которая идет от широкой исторической идеи и приводит к такой же идее» (Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913, с. XIV—XV). Именно такой «проблемно-источниковедческой методике» обучал он и своих учеников.

⁴ Е. В. Тарле, как известно, исключительно высоко оценивал ученую деятельность А. С. Лаппо-Данилевского. В одном из своих писем от мая 1915 г. он писал Лаппо-Данилевскому: «Смотрю на вас не только как на замечательного ученого, но и как на одного из представителей и выразителей всего самого лучшего, что выработала русская жизнь, русская культура» (Архив АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 278, л. 65).

⁵ Греков И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. (Опыт истолкования души). — Истор. журнал, 1920, с. 75—77. — Ученый и мыслитель, «полный труда и напряжения, тяжких сомнений и настойчивых исканий», — так характеризовал Лаппо-Данилевского А. Е. Пресняков (Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922, с. 5—6). В 1919 г., вспоминая Петербургский университет и работу семинара, Греков дает очень высокую оценку Лаппо-Данилевскому как исследователю и педагогу, создателю новой научной школы в области русского актового источниковедения. Греков писал, что «счастливая судьба» сделала его «одним из учеников» Лаппо-Данилевского и именно ему он во многом обязан умению и навыкам «строго научного метода», где не было места «голословному утверждению или фантастическому выводу» (Греков Б. Д. Ученая и учебная деятельность А. С. Лаппо-Данилевского. — Изв. Таврической ученой архивной комиссии, 1919, № 56, с. 148—156). Свидетельством глубокого уважения к Лаппо-Данилевскому, как ученому и педагогу, явился юбилейный сборник статей по истории русского частного акта, подготовленный его учениками (Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916).

⁶ «План издания архивных документов XVI—XVII вв.» был составлен А. С. Лаппо-Данилевским с учетом новейших достижений западной археографии и изучения практической постановки архивного и издательского дела в Пруссии и Австрии, куда он был командирован Академией наук в 1900 г. В октябре того же года план был доложен Лаппо-Данилевским на заседании Историко-филологического отделения Академии наук и получил ее одобрение (Сб. ГКЭ, 1922, т. 1, с. 1).

⁷ Копанев А. И. Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1978, IX, с. 85—86.

⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1910—1913, т. I—II.

⁹ Основные принципы актовой дипломатики Московской Руси, разработанные А. С. Лаппо-Данилевским и положенные им в основу занятий домашнего семинария, изложены им в известном исследовании — «Очерк русской дипломатики частных актов» (Пг., 1920). См. также рецензию на указанный труд С. Н. Валка, ученика А. С. Лаппо-Данилевского и активного участника его домашнего семинария (Русский исторический журнал, Пг., 1922, кн. 8).

¹⁰ ЛЗАК, 1912, вып. XXIV, с. 1—IX, с. 1—89. — Интерес к изучению писцовых книг XVI в., особенно к выяснению методики их обработки (установлению объективности их показаний), нашел свое отражение и в рецензии Б. Д. Грекова на публикацию В. В. Майкова «Книга писцовая по Новгороду Великому XVI века» (СПб., 1911), помещенной им в январском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1912 г., а также в изданной несколько позднее его специальной статье «Итоги научной обработки новгородских писцовых книг» (Русская мысль, 1915, № 12).

¹¹ ЧОИДР, 1912, кн. 2, с. 1—35.

¹² Греков Б. Д. Новгородские бобыли в XVI и XVII вв. — ЖМНП, 1912, июль, с. 43—79.

¹³ Архив АН СССР, ф. 113, оп. 2, д. 113, л. 1—2. — А. С. Лаппо-Данилевский как раз в этот период специально занимался проблемой происхождения крепостного права в России. Так, тема его университетского семинара 1909/10 г. была объявлена как «Анализ и интерпретация актов, касающихся истории прикрепления

естьян в Московском государстве». (В ал к С. Н. Борис Александрович Романов. — В кн. Исследования по социально-экономической истории России. Л., 1971, с. 13). Работа Б. Д. Грекова над изучением новгородских бобыльских порядных XVI—XVII вв. была явно сопряжена указанной тематике семинара.

¹⁴ В 1914 г. эта работа была представлена и успешно защищена Б. Д. Грековым в качестве диссертации на степень магистра на ученом совете историко-филологического факультета Петербургского университета. На диспуте, как и в предисловии к книге, он с благодарностью отметил своих учителей и ученых консультантов, в первую очередь Д. М. Петрушевского, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского.

¹⁵ ЖМНП, 1916, февраль, с. 388.

¹⁶ Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв., ч. 1—2. — ЛЗАК, 1926—1927, вып. 33—34.

¹⁷ Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 181—191.

¹⁸ Изв. АН СССР, 1926, ч. 1—2, 6-я серия, № 9—11, 12—14.

¹⁹ Впервые общую оценку этого капитального труда С. Б. Веселовского по истории кадастра и посешного обложения Московского государства XVI—XVII вв. Б. Д. Греков дал в своей краткой рецензии на него в «Русской мысли» (1917, № 1).

²⁰ ЛЗАК, 1916, вып. 28.

²¹ Насколько большое значение уже в то время придавал Греков составлению научных указателей к обзорам древнерусских рукописей, показывает его рецензия на работу Е. М. Витошинского «Указатель именной и предметный к труду А. В. Горского и К. Н. Невоструева „Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки“» (Варшава, 1915), опубликованная в «Русской мысли» за 1915 г. (№ 12, критич. обзор). Греков всегда рассматривал подобную археографическую работу как научно-исследовательскую, а отнюдь не как вспомогательную, и никогда не чуждался любой черновой подготовительной работы в архивах.

²² Греков Б. Д. Отчет об осмотре архива Тихвинского большого монастыря. — ЛЗАК, 1914, вып. 26.

²³ Греков Б. Д. Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря. — ЛЗАК, 1926, вып. 33. — В 1917 г. значительная часть архива Соловецкого монастыря, на перевозку которого в Синодальный архив Петрограда Греков получил разрешение, по независящим от него причинам попала в Пермь, откуда уже в середине 20-х гг. была передана в ЦГАДА. Поскольку Б. Д. с 1916 г. был профессором организованного тогда в Перми отделения Петербургского университета, то он имел возможность продолжить знакомство с соловецкими актами, о чем свидетельствуют его обращения в Археографическую комиссию по вопросам о дальнейшей судьбе архива. В 1918 г. в связи с болезнью Греков переехал в Симферополь, где принимал участие в организации Таврического университета и был деканом исторического факультета. Активно работал Б. Д. и в Таврической ученой архивной комиссии, участвуя в выпуске ее «Трудов» (В ал к С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии, с. 225). В 1921 г. Греков возвращается в Петроград, где занимает должность помощника ученого секретаря Постоянной исторической комиссии Академии наук, тогда же избирается членом Археографической комиссии, перешедшей в состав Академии наук и слившейся с Постоянной исторической комиссией. В том же 1921 г. Б. Д. становится профессором Петроградского университета и ряд лет заведует кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Он читает в университете общие и специальные курсы, ведет семинары и руководит практическими занятиями по палеографии, которой всегда очень увлекался.

²⁴ В 1928 г. снова по поручению Археографической комиссии Греков совершает второе путешествие на Север — в Архангельск, где осматривает древнейшие рукописные собрания тамошних монастырей и перевозит их в Ленинград, в архив Комиссии.

²⁵ Изв. АН СССР, 1926, 6-я серия, № 1—2.

²⁶ Учен. зап. Института РАНИОН, 1928, т. 6.

²⁷ Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость. — ЛЗАК, 1927, вып. 34, с. 190.

²⁸ Греков Б. Д. 1) Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. — ЛЗАК, 1929, вып. 35; 2) Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в.

Изв. АН СССР, ООИ, 1932, № 6—7. — В источниковедческом плане большой интерес представляет проведенное Б. Д. Грековым обследование хозяйственных анкет XVIII в. Речь идет об известных анкетах XVIII в.: Академической, Шляхетского кадетского корпуса и Сенатской, цель последней — выявление причин дороговизны хлеба в 60-х гг. Работая над этими важными и весьма специфическими источниками, Б. Д. прежде всего пытался определить, какие «действительно доброкачественные факты» можно извлечь из них для изучения экономических и общественных отношений середины XVIII в. Это было тем более важно, что анкеты давали массовый и притом далеко не однородный материал, а это требовало исследовательской осторожности, и максимальной конкретности (порайонного обзора) в его обработке и обобщении. Именно поэтому Б. Д. был особо требователен к вставшим перед ним вопросам источниковедения — выяснению целей, характера и территориальной специфики каждой из названных анкет, а главное — их репрезентативности.

²⁹ См.: Материалы по истории народов СССР. Л., 1930, вып. 1.

³⁰ Там же. Л., 1932, вып. 2.

³¹ Там же. Л., 1932, вып. 3.

³² Там же, вып. 1, предисловие.

³³ Крепостная мануфактура в России. Л., 1931—1932, ч. 1—3. — В дальнейшем под редакцией Грекова вышли еще два выпуска указанной документальной серии, посвященные социальному составу рабочих и классовой борьбе на крепостных мануфактурах XVIII в. (Там же. Л., 1934, ч. 4; Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке. М.; Л., 1937).

³⁴ См.: Устюгов Н. В. Деятельность академика Б. Д. Грекова в области публикации исторических источников. — Археограф. ежегодник за 1959 г. М., 1960.

³⁵ Общую характеристику дискуссии по вопросам общественного строя Киевской Руси см.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 90—100.

³⁶ См., в частности, доклад М. М. Цвибака на пленуме ГАИМК в июне 1933 г. «К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси» (Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934).

³⁷ Назовем основные работы Б. Д. Грекова по истории Киевской Руси 30-х гг.: 1) Начальный период в истории русского феодализма. — Вестн. АН СССР, 1933, № 7; 2) Рабство и феодализм в Древней Руси (Доклад и заключительное слово). — Изв. ГАИМК, 1934, с. 86; 3) Проблемы генезиса феодализма в России. — Истор. сборник. Л., 1934, I; 4) Древний период феодализма в России. — ИКП, 1934, № 2; 5) Очерки по истории феодализма в России: Система господства и подчинения в феодальной деревне. — Изв. ГАИМК, 1934, вып. 72; 6) Мой ответ С. В. Вознесенскому. — ПИДО, 1934, № 7—8; 7) Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935; 8) Была ли Древняя Русь рабовладельческим обществом? — Борьба классов, 1935, № 3; 9) Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1936; 2-е изд. М.; Л., 1937; 10) Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма у М. Н. Покровского. — Историк-марксист, 1937, № 5—6; 11) Несколько замечаний о древнерусском вече. — Учен. зап. ЛГУ. Серия истор. наук, 1938, вып. 1; 12) Киевская Русь. — 3-е изд., перераб. и доп. М.; Л., 1939; 13) Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? — Историк-марксист, 1939, № 4; 14) Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского. — В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1939, ч. 1; 15) Князь и правящая знать в Киевской Руси. — Учен. зап. ЛГУ. Серия истор. наук, 1939, вып. 2. — Более подробный перечень работ Грекова, касающихся истории Древней Руси киевского периода, см. в кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952. Список научных работ академика Б. Д. Грекова.

³⁸ Греков Б. Д. Главнейшие этапы истории русской феодальной вотчины. — В кн.: Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства, вып. 1. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. М., 1933, с. XXIII—XXIV.

³⁹ Там же, с. XXIV—XXV.

⁴⁰ Интерес и глубокое уважение Б. Д. Грекова к исследованиям А. А. Шахматова в области истории русского летописания, особенно к его методике, находят свое подтверждение уже в том факте, что по инициативе Б. Д. и под его редакцией

в 1938 г. был издан важнейший труд А. А. Шахматова — «Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв.» (М.; Л., 1938). Греков позднее прямо писал, что Шахматов «создал» «новую эпоху в изучении летописей», а его «общие соображения» о русском летописании и «разработанный им точный метод исследования продолжает вдохновлять его учеников и последователей и вызывает много интересных соображений у его оппонентов» (Греков Б. Д. Исторические публикации Академии наук. — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1945, т. II, № 3, с. 188—189).

⁴¹ В этом плане особенно показательно, что Греков всегда проявлял особый интерес к конкретно-историческому раскрытию «понятийного аппарата» (терминологии) древнерусских источников, особенно законодательных памятников и актов, как документов, дающих их наиболее концентрированное выражение. Возможно, что в этом отношении он следовал за Ключевским (имеем в виду уже упоминавшийся его спецкурс «Терминология русской истории»). Готовя в Таврическом университете свое первое учебное пособие по Русской Правде (издано Таврическим университетом в 1920 г.), Б. Д. продолжает начатую им еще в 1915 г. работу по сбору материала для терминологического словаря Древней Руси. А в 1921 г., когда Б. Д. после возвращения в Петроград был избран постоянным членом Археографической комиссии и восстановил свою педагогическую деятельность в Петроградском университете, он привлекает к составлению словаря (включенного по его предложению в план Академии наук) и своих новых учеников по университету. Б. Д. крайне ценил признание научного значения своего начинания со стороны тогдашнего руководства Археографической комиссии (имеем в виду С. Ф. Платонова и А. А. Шахматова). С. Н. Валк отмечает, что в своем *саггисулум vitae* (1929 г.) он писал по этому поводу, что эта «давняя моя работа по составлению словаря юридических и экономических терминов была признана Академией наук полезной и включена в план работ Исторической комиссии, и я был привлечен к работам этой комиссии с поручением продолжать эту работу». (Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии, с. 226). К сожалению, в связи с переключением на иные задания Академии наук СССР Греков не смог в дальнейшем активно вести начатые им обширные изыскания, требующие сплошного обследования не только всех печатных изданий по истории Древней Руси, но и рукописных материалов, хранящихся в самых различных архивах страны и далеко не всегда хорошо описанных. Позднее (с 1931 г.) работа над словарем была продолжена под руководством Б. Д., но в более сокращенном объеме, его учеником по университету — Г. Е. Кочиним — и издана в 1937 г. в виде «Материалов для терминологического словаря Древней России» (М.; Л., 1937). В предисловии к изданию Греков отметил его большое научное значение, хотя и выразил сожаление, что работа полностью не закончена. Но для определения источниковедческого кредо Б. Д. указанные терминологические изыскания чрезвычайно показательны, они оставили глубокий след почти во всех его работах не только по истории Киевской Руси (особенно при изучении Русской Правды), но и аграрной истории феодальной России в целом. К сожалению, С. Н. Валк уклонился от сравнения указанного начинания Б. Д. с работой по составлению терминологического словаря к древнерусскому частному акту, проводившейся в «домашнем семинарии» Лаппо-Данилевского, активным участником которого он являлся. А это сравнение было бы полезно в том смысле, что оно свидетельствует о разных подходах к подобным терминологическим исследованиям у Лаппо-Данилевского и у Грекова: первый брал за основу и ориентировал своих учеников (см.: Терминологический словарь русского частного акта А. И. Андреева, составленный в 1922 г. по сохранившейся актовой картотеке семинарии) на регистрацию только актовой терминологии; второй стремился выявить характер, а равно и историческое содержание термина путем использования его в источниках различного вида (в писцовых книгах, актах, летописях). Иначе говоря, Лаппо-Данилевского интересовало установление формальных терминологических критериев как основы для систематизации актовых источников, Грекова — раскрытие общественных явлений и институтов через терминологию, а следовательно, и глазами их современников. Тот и другой методы правомерны, но цели, задачи и характер их использования существенно различаются. Не случайно и в современном источниковедении методика раскрытия «понятийного аппарата» источников — одна из наиболее сложных и постоянно дискутируемых проблем.

⁴² Греков Б. Д. Главнейшие этапы истории русской феодальной вотчины, с. XXV.

⁴³ Там же, с. XXVI—XXIX.

⁴⁴ Смирнов И. И. Проблема крепостничества и феодализма в советской литературе. — В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942, с. 94—95 и след.

⁴⁵ Изв. ГАИМК, 1934, вып. 72, с. 25—159. — К указанной монографии примыкает и подготовленный Грековым специальный сборник документов «Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI вв.» (Л., 1935), материал которого подтверждает многие выводы автора.

⁴⁶ «История есть наука конкретная, исторический процесс, вообще полный диалектических противоречий, в каждом обществе требует специального конкретного изучения, — писал Б. Д. Греков, определяя свое ученое кредо и главную цель своего исследования. — Поэтому нам надлежит обратиться к нашим источникам и сделать попытку проследить положение русского крестьянства с момента его подчинения феодалу на протяжении нескольких веков до XVII в., когда состояние его делается достаточно ясным, не вызывающим сомнений» (автор имеет в виду окончательное утверждение крепостного права) (Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России, с. 68—69, ср. с. 55—57, 63). Более категорически эту мысль Греков формулирует во второй своей работе: «Нужно искать корни крепостничества» «в процессе создания и торжества крупного землевладения» (Греков Б. Д. Главнейшие этапы по истории крепостного права в России. М., 1940, с. 9, ср. с. 10—13).

⁴⁷ Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России, с. 39—40.

⁴⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского. — В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1939, ч. 1, с. 70—116. — Вторая часть указанного сборника вышла в 1940 г. Помимо статьи Грекова, проблемам русского феодализма до XVII в. непосредственно посвящены включенные в сборник статьи С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича.

⁴⁹ М.; Л., 1946, кн. 1—2; 2-е изд., испр. и доп.: кн. 1 — 1952; кн. 2 — 1954.

⁵⁰ О влиянии исследований Б. Д. Грекова на работы советских ученых 40—50-х гг. по изучению истории крестьянства феодальной России можно судить по предисловию И. И. Смирнова «Б. Д. Греков как историк русского крестьянства» к книге Б. Д. Грекова «Краткий очерк истории русского крестьянства» (М., 1958, с. 3—23).

⁵¹ Греков Б. Д. История древних славян и Руси в работах академика В. Г. Васильевского. — ВДИ, 1939, № 1.

⁵² Греков Б. Д. 1) Общественный строй Галицкой Руси в XIV—XV веках. — Изв. АН СССР. Серия история и философия, 1944, т. I, № 5; 2) Судьбы населения галицких княжеских вотчин под властью Польши (XV—XVIII вв.). — Истор. журнал, 1944, № 12; 3) Общественный строй Галицкой Руси в XIV—XV веках. — В кн.: Общее собрание Академии наук СССР 14—17 октября 1944 г. М.; Л., 1945; 4) Сельская община в Галицкой Руси и Польше. — Средние века. М.; Л., 1946, вып. 2.

⁵³ Устюгов Н. В. Деятельность академика Б. Д. Грекова в области публикации исторических источников, с. 10—13; Тихомиров М. Н. К 5-летию со дня смерти академика Б. Д. Грекова. — История СССР, 1958, № 5.

⁵⁴ Изложение основных положений указанного плана документальных изданий см.: Историк-марксист, 1936, № 4, с. 156—159; см. также: Греков Б. Д. Исторические публикации Академии наук, с. 183—190.

⁵⁵ Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936, сб. 2, с. 315—331.

⁵⁶ Правила издания сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

⁵⁷ Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1950.

⁵⁸ Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии, с. 225.

⁵⁹ В 1934 г. было подготовлено и издано Ленинградским университетом под редакцией Б. Д. учебное пособие по Русской Правде (Русская Правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому. Л., 1934), которое в какой-то мере свидетельствует о замыслах Грекова по подготовке академического издания. Указанное учебное пособие выходит далеко за рамки обычной «хрестоматийной публикации», об этом говорит уже тот факт, что в издание Грековым был помещен

Троицкий 1-й список Правды, подготовленный В. П. Любимовым по возможности с сохранением внешнего вида памятника. Подобный археографический прием был использован Грековым и в академическом издании.

⁶⁰ Правда Русская, т. I. Тексты. М.; Л., 1940.

⁶¹ Подробнее о деятельности Грекова по подготовке издания Русской Правды см. в указанной выше статье С. Н. Валка.

⁶² Правда Русская: Учебное пособие. М.; Л., 1940.

⁶³ Правда Русская, т. II. Комментарии. М.; Л., 1947.

⁶⁴ Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии, с. 228.

⁶⁵ Юшков С. В. Об академическом издании «Правды Русской». — Историк-марксист, 1941, кн. 2, с. 96. — Одновременно С. В. Юшков высказал и ряд критических замечаний, ответ на которые был помещен в том же номере журнала от имени редакции академического издания и подписан Б. Д. Грековым, В. П. Любимовым, Н. Ф. Лавровым, Г. Е. Кочинным и Г. Л. Гейермансом.

⁶⁶ См.: Мюллер Р. Б. Законодательные акты второй половины XVI—первой половины XVII в. и принципы их издания. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1976, VIII.

⁶⁷ Его составителями являются: Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев, И. З. Либерзон, Р. Б. Мюллер, Н. Е. Носов, В. М. Панеях, К. Н. Сербина.

⁶⁸ Сб. ГКЭ. Пг., 1922, т. I; Л., 1929, т. II; Указатели к первому и второму тому. Л., 1931. — Характеристику археографических принципов этого издания, положенных в его основу А. С. Лаппо-Данилевским, см. в статье С. Н. Валка «Сборник Грамот Коллегии Экономии (Историографические заметки)» (Борьба классов, 1924, № 1—2). Валк дает высокую научную оценку этому изданию, разделяет он по существу и основные идеи Лаппо-Данилевского в области публикации русских актов XVI—XVII вв.

⁶⁹ АСЭИ. М., 1952, т. I; М., 1958, т. II; М., 1964, т. III.

⁷⁰ Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии, с. 225. — Подробнее о новом издании северных русских актов XVI в. см.: Носов Н. Е. Актовые источники по истории Русского Севера и некоторые вопросы изучения социального расслоения крестьянства XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1982, XIII, с. 22—26.